

Турилов А. А.
Источниковедческое исследование
славянской книжности*

В современной науке отсутствуют термины для обозначения общеславянского культурного пространства, которое хорошо известно исследователям славянских рукописей: последние невозможно изучать в рамках истории одной страны, будь то Россия, Сербия, Болгария, Румыния, Хорватия. Созданные на основе «цивилизационного» подхода понятия *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* (Р. Пиккио) оказались недостаточно точными в первую очередь потому, что они не содержат отсылки к греческой (византийской) традиции. Историки XX в. пытались предложить названия для этого явления. Наиболее адекватным представляется термин «byzantine commonwealth», введенный Д. Оболенским, но он не получил точного перевода на русский язык.

Труд А. А. Турилова уже самим названием — «*Slavia Cyrillomethodiana*» (автор отмечает, что термин был предложен Р. Марти) — вводит нас в пространство, не совпадающее с зыбкими границами средневековых государств. Современный исследователь не может чувствовать себя вполне уверенным в этой области — от него требуется знание не только всего корпуса славянской книжности, но и огромного массива современной исследовательской литературы в области славянской истории и культуры на славянских и других европейских языках. Книга Турилова показывает, что такие познания, как это ни фантастично, возможны, хотя и доступны немногим. Турилов неоднократно отмечает, что исследователям и издателям славянских рукописей часто оставались неизвестны работы на эту же тему, выполненные в других государствах. Книга Турилова поражает читателя энциклопедическим характером знаний своего автора. Многие ценные сведения, которые не менее весомы, чем само исследование, находятся в примечаниях. Автор попытался восполнить отсутствие необходимой терминологии в исследовании книжности. Он ввел

* Турилов А. А. *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья*. М.: Знак, 2010. 488 с.

понятия: «пассивное бытование» (С. 21) для текстов, которые сохраняются, но не копируются и не используются, «национально-региональные ветви» (С. 20), «первое и второе восточнославянские влияния» (С. 40), которые позволяют осмыслить происходившие в книжности процессы.

Книга состоит из 4 разделов. В 1-м разделе затронуты проблемы распространения кирилло-мефодиевского наследия. В 1-й главе «Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях» не только дан исчерпывающий список древнейших памятников кирилло-мефодиевской традиции (С. 20), но показано, что сохранность текстов не всегда соответствует представлениям филологов об их бытовании. В отличие от других исследователей Турилов не стремится проиллюстрировать новыми примерами сложившееся в XIX–XX вв. представление о заимствовании текстов из Болгарии на Русь, но заново систематизирует огромный фактический материал. Сложность заключается, в частности, в том, что большинство памятников начального периода славянской книжности сохранилось в восточнославянской традиции. Можно только предполагать, как раннеболгарские тексты попадали к восточным славянам. Один из путей, предложенный автором, — реконструкция Преславской библиотеки, «полностью изъятой» в конце X — начале XI в. из обращения на Балканах и попавшей к восточным славянам. Автор знакомит читателей с научными разысканиями в области гимнографии, позволившими выделить древнейший славянский вариант Триоди Постной, Октоиха, Минеи праздничной и общей.

Исключительную ценность представляет обзор сохранности памятников в национально-региональных ветвях славянской книжности. Турилов пытается выяснить причины плохой сохранности текстов в восточноболгарской традиции: автором рассмотрена история библиотеки монастыря Зограф и причины неиспользования болгарскими сербскими собраниями. Несомненной заслугой автора является то, что он всегда предлагает несколько аргументированных объяснений приведенным фактам. Большой интерес представляют рассуждения Турилова о причинах ограниченности объема переводов сочинений св. Саввы, об отличии ситуации со сменой богослужебных уставов у сербов и у болгар. Смена уставов, как отмечает исследователь, не привела в Сербию и у восточных славян к вытеснению более ранних богослужебных текстов, они сохранялись, и даже древние тексты могли стать актуальными (С. 31–33).

В главе «Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв.: (Заметки к оценке явления)» автор полемизирует с И. И. Калигановым о путях и времени проникновения болгарских текстов на Русь, здесь вновь поднимается тема Преславской библиотеки (С. 41–42). Новый, неизвестный большинству отечественных исследователей материал содержит глава «К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской традиции: (На материале минейных служб)». На восточнославянском материале приводятся данные об «асимметрии между гимнографией и гомилетикой» в переводческой работе славянских первоучителей, рассказывается

об открытии акростиха в каноне апостолу Андрею Первозванному Наума Охридского. Значение этого примера выходит за рамки гимнографии, он важен и для понимания почитания апостола Андрея у славян.

Глава «К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника» посвящена акростиху в Чине белеческого погребения. Автор предлагает уникальные, до сих пор не систематизированные сведения о древнейших славянских Требниках, содержащих этот чин, и восстанавливает акростих, позволяющий определить автора стихир — Константина Преславского. В главе «Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы» показана связь сербской традиции с памятниками Первого Болгарского царства. Турилов рассматривает 4 варианта проникновения текстов из Великой Моравии в Сербию: непосредственно из Великой Моравии, через Преслав, через Охрид, благодаря русскому посредничеству (С. 108–109). Исследователь предположил, что через русскую книжность в общеславянскую традицию могли попасть тексты, утраченные в местной традиции.

Во 2-м разделе «История и культура Болгарии IX–X вв.» автор анализирует особенности болгарских месяцесловов и знакомит читателей с месяцесловом сербского Апостола-Евангелия конца XIII в., содержащим уникальные памяти победы Бориса—Михаила и освящения церкви во имя апостола Петра. Другое исследование посвящено «Сказанию инок Христула» о чудесах вмч. Георгия, где Турилов высказывает предположения о греческом происхождении текста. Ценные данные содержит глава «Не где князь живет, но вне», в которой анализируются сведения о христианизации Болгарии в IX в.

3-й раздел «Культурные связи Руси с южными славянами в XII–XIII в.: Первое восточнославянское влияние» представляет собой исключительно важное и абсолютно новаторское исследование. Здесь Турилов впервые попытался осмыслить такое явление, как «первое и второе восточнославянские влияния». Эти термины, как правило, не употребляются ни историками, ни исследователями книжности. Движение текстов (в первую очередь переводных) от южных славян на Русь неоднократно описано и является неоспоримым фактом. Обратное движение проследить намного сложнее: даже в случае присутствия оригинальных восточнославянских текстов в сербской или болгарской письменности всегда можно предположить наличие южнославянского протографа, авторизованного у восточных славян. Турилов считает необходимым изучать в отдельности каждый восточнославянский памятник, оказавшийся в сербских или болгарских сборниках, и в качестве примера приводит «Предисловие покаянию» и «Поучения Моисея». «Предисловие покаянию» содержится в том числе в Паисиевском сборнике (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 4/1081), где многие учительные тексты представлены в особых редакциях, а также в рукописи РНБ, Софийское собр., № 1262. Выявление «Предисловия покаянию» в составе болгарского пергаменного кодекса XIV в. позволяет по-новому взглянуть и на указанные восточнославянские сборники. Представленные исследователем факты движения текстов от восточных славян к южным и характер их переработки, в частности лексические замены, произведенные южнославян-

скими книжниками, представляются убедительными и соответствуют наблюдениям, полученным на примере других канонических текстов. Важны рассуждения Турилова о переводе Тактикона Никона Черногорца — этого во многом «культурообразующего» для славянской книжности произведения. Выявленные списки сербского происхождения при наличии ранних восточнославянских рукописей неизбежно делают актуальной постановку вопроса о месте их перевода. Однако в этой теме автор проявил сдержанность.

4-й раздел — «Восточнославянская культура и “второе южнославянское влияние”», если включить в текст объемные примечания, иногда требующие раскрытия, мог бы составить самостоятельную книгу. Автор пишет об обилии исследований на эту тему и одновременно об отсутствии обобщающих выводов в этой области. Турилов отмечает, что круг памятников, пришедших на Русь в конце XV — начале XVI в., не определен. Однако памятники, появившиеся на Руси в результате второго южнославянского влияния в более ранний период, т. е. в конце XIV в., также четко не установлены. Внимание автора привлекли в первую очередь агиографические и гимнографические тексты. Состав аскетической и уставной литературы, переведенной и пришедшей на Русь и во многом определивший характер русской книжности этого периода, еще ждет специального исследования.

Широту эрудиции автора характеризует глава «Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси», в которой Турилов убедительно доказывает большую презентативность южнославянских текстов в московской книжности, нежели в западнорусской. Вместе с тем, на мой взгляд, особого изучения заслуживает история складывания и бытования собраний антилатинских сочинений, которые автор не рассматривает. Особую ценность представляет очерк о славяно-молдавских рукописях. Он станет важным подспорьем для историков-славистов, поскольку большинство сведений об этих рукописях издано на румынском языке и потому мало доступно исследователям. К сожалению, автор не публикует иллюстраций, необходимых для раздела, где рассматриваются особенности начертания отдельных букв и выполнения заставок.

Несомненно, исследование А. А. Турилова является важным вкладом в изучение славянской книжности. Это настоящая энциклопедия для всех, кто соприкасается с проблемами истории славянской письменности. Изучая отдельные тексты и их перемещение в славянском мире, исследователи часто оказываются в тупике из-за невозможности связать воедино выявленные факты. Рецензируемая книга показывает закономерности перемещения памятников средневековой славянской книжности. Указатели помогут историкам, занимающимся исследованием других сюжетов, определить, что уже известно о конкретных рукописях. Книга А. А. Турилова — показатель высокого уровня исследовательской работы, возможного в современной исторической науке и археографии.

*Е. В. Белякова, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)*